

Нина Дашевская

ОКОЛО МУЗЫКИ

КомпасГид
издательский дом

Нина Дашевская

Около музыки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11131763

Около музыки: рассказы / Нина Дашевская: КомпасГид; Москва; 2017

ISBN 978-5-00083-184-7

Аннотация

Аркадий Калина влюблён в скрипку, но больше – в море. Скрипку он, может, и вовсе не любит: с любовью вообще всё сложно, когда тебе четырнадцать. Это «всё сложно» хорошо знает хмурый «валенок» Антон, которого одноклассники (и, увы, одноклассницы) будто не видят. Заодно и не слышат, как он в музыкалке уныло выводит «Ой, то не вечер», – ну и ладно, а то стыд же! Подстригшаяся под «ноль» Лёлька в новом районе тоже как чужая, народ ей здесь не нравится. Крутой только парень по кличке Джон – да ведь ему, скейтеру, наплевать на её дурацкое пианино.

Подросткам из рассказов Нины Дашевской есть чем поделиться. Их мысли, будто случайно подслушанные, – словно фортепианная игра соседа за стенкой: музыка знакомая, но исполнена она по-своему и потому завораживает. После нескольких страниц текста с героями совсем не хочется расставаться. Сборник «Около музыки» нравится перечитывать вновь и вновь, каждый раз открывая для себя новые интонации,

оттенки, мелодии. Наша жизнь вращается около музыки, и в возрасте 12–15 лет это чувствуешь особенно остро.

Нина Дашевская – музыкант, автор нескольких книг, лауреат и призёр многочисленных премий (дважды обладатель первого места в конкурсе «Книгуру» – в том числе за книгу, которую вы держите в руках), писатель, чьи произведения всегда вызывают улыбку и ощущение тепла в душе. В сборнике «Около музыки» продолжается её творческий тандем с художником Евгенией Двоскиной, начатый удостоенной Крапивинской премии сказкой «Вилли»: иллюстрации и здесь звучат в унисон с красивейшим писательским слогом, в котором нет ни единой фальшивой ноты.

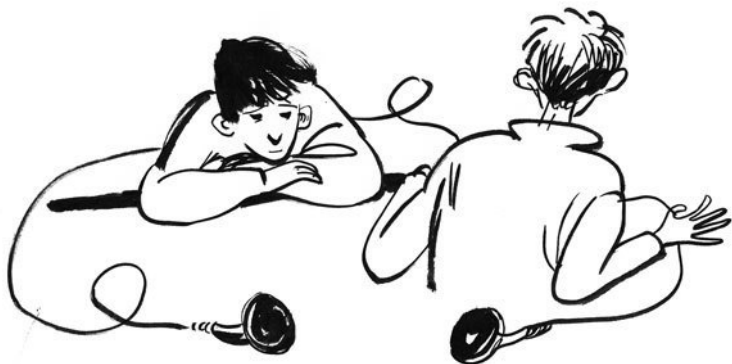
Содержание

Наушники	5
Ой, то не вечер	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Нина Дашевская

Около музыки

Наушники

Мы с Никитой совершенно разные. Мой папа как-то сказал про нас – «лёд и пламень». И я обиделся. Потому что понятно же, кто из нас пламень получается. А я, его родной сын, выходит – лёд, что ли?!

У нас общего – только замечания в дневнике. Количество. А вот качество разное. Мне пишут одно и то же: «Не слышит учителя!», «Витает в облаках», «На уроке присутствует чисто физически». Это, конечно, физичка написала. А по-

том географичка у неё собезьянничала и написала – «присутствует чисто географически». Я вот жду такого же остроумия от математика. С них станется друг у друга списывать изо дня в день. У меня иногда чувство возникает, что они через мой дневник друг с другом перемигиваются.

А вот у Никиты! «Принёс в школу живого ужа», «Поджёг библиотечную книгу». Или вот, последнее: «Прилепил мышь жвачкой к потолку. И в процессе объяснения нового материала она упала на учителя». Мышь, конечно, игрушечная была. Но похожая!!! Конечно, он думал – кто-то из наших будет у доски отвечать. А Маргарита ходит там, ходит, объясняет, объясняет. А мышь – болтается, болтается...

О, что было!!! К директору вызывали, конечно.

А директор наш дверь закрыл и там ему потихонечку говорит: «Кукушкин! Всё прощу. Только объясни – как ты это сделал!» По крайней мере, Никита так потом рассказывал.

Ну вот, а ещё мы ходим в музыкалку. Только я играю на виолончели, а Никита – ударник. Барабаны, значит, и ксилофон. Вот теперь вам, наверное, окончательно всё ясно.

Мы учились в одном классе шесть лет и абсолютно не замечали друг друга. То есть это он не замечал – меня вообще мало кто замечает. А его! Он так устроен – только заходите в класс и сразу видите его. Его светлую растрёпанную голову и жёлтый свитер. «Кукушкин!» – «Я!» – отвечает он и выходит к доске на руках. И наша новенькая физичка внимательно его слушает и не моргнув глазом ставит пятёрку. И спраши-

вает ещё: «Тоже перевернутую ставить?..»

А про наш класс так говорят: «Седьмой „Б“ – это тот, в котором Никита Кукушкин?»

Так вот, однажды мы с нашим оркестром поехали на гастрологи. Настоящие гастрологи! В Новгород. На три дня. И нас поселили с ним в один номер. Все как-то договорились заранее, кто с кем будет жить, а я – нет. Мне было всё равно. Потому что у меня никогда не было друга. А у Никиты – наоборот! Миллион друзей. И каждый подумал, что Никита поселится с кем-то другим. И потому он тоже остался без соседа.

Ну, нас и поселили вместе. Всё-таки одноклассники.

– С кем ты? – спросила меня Лёлька. Она тоже из нашего класса, нас трое в оркестре из нашего. – Что?! С Никитосом?! Ну ты попал!

И я вдруг обиделся. Во-первых – почему это я «попал»? А во-вторых – за «Никитоса». Потому что мне нравилось, как звучит имя «Никита». Просто и крепко. Говоришь – будто орех перекатываешь за щекой: Ни-ки-та. Согласные – как сухие полешки. Как ксилофон. Ему подходит, он ударник. Никита Кукушкин, па-парам, там-тирам. Будто барабан и тарелочка. А у меня вот дурацкое имя. Пустое какое-то.

Короче говоря, Никита взял карточку-ключ от комнаты и пошёл вверх по лестнице. Хорошо ему – палочки барабанные в рюкзак, и вперёд! А я тащусь со своей виолончелью... В общем, он первым открыл дверь. И сразу, прямо в кроссовках, рухнул на кровать. И заорал:

– Темницы рухнут, и свобода! Нас! Примет! Радостно! У входа!!!

– И братья ключ нам отдадут, – пробормотал я.

– Чего? – удивился Никита. И спросил: – Ты откуда это знаешь?

Я почему-то смутился.

– Ну... Не знаю. Стихи. Это все знают, разве нет?

И добавил:

– Ключ отдай – без него свет не включается!

– Слушай, Оська, а ты, похоже, ничего чел!

Оська. Вот оно, моё имя. Мой ужас. Ося. Одна согласная – и та никакая. Приходится обязательно добавлять «к». Но тут я как-то забыл, что имя у меня некрасивое.

Никита вставил карточку, и стало светло.

Мы проболтали с ним всю ночь. Его ждали в семи местах – играть в карты, травить анекдоты, ходить по гостинице и подсовывать нашим под дверь дурацкие записки. Но опять вышло то же самое – все думали, что он с другими. И за ним даже никто не зашёл.

И хорошо, что не зашли.

Только я сам не понял... Как можно было вот этому человеку... Вот этому лохматому Никите-барабанщику рассказать то, чего я раньше никому не рассказывал. Я вроде бы и не хотел никогда рассказывать, а оказалось – хотел. Очень. Причём всякую ерунду.

Что мы дружили до школы с Лёлькой Погореловой, кото-

рая сейчас и не здороваются со мной. Хотя мы соседи. Что мы с ней копали вместе червяков и ловили жуков. Теперь, конечно, странно предположить, что длинную Лёльку в вечных уггах с какими-то блестящими штуками когда-то интересовали червяки.

– Что, прямо в руки брала? – восхищался Никита.

– Ну да... Она первая и брала! И в карманах домой таскала!

– Ух ты... Лёлька, надо же!

...Ну и Никита мне рассказал то, чего никому никогда не рассказывал. Про ту же самую Лёльку. Я обещал, конечно, что – никому. Ну и вам поэтому тоже не расскажу. Надо же, Лёлька. Вот бы никогда не подумал.

А ещё я показал ему свои стихи. Вот тоже не думал, что кому-то когда-то покажу.

И он... В общем, я знал, что он не будет смеяться. Сразу понял. Но он ещё сказал:

– Надо же... А ведь не ужасные стихи. Ты, Оська, похоже, прямо поэт!

...Утром мы проспали завтрак. Нас разбудил звонок вальторниста Кольки Солнцева: «Вы что! С ума сошли! Выезд на репетицию через пять минут!»

Ну, я джинсы натянул, и мы помчались. А Никита вообще спал не раздеваясь.

И я молчал и думал: что, что теперь будет? Посмеётся он надо мной или нет? Над моими стихами, и вообще... Скажет

другим? Не скажет?..

У автобуса толпились наши:

– Кукушаныч, садись с нами! Никитос, к нам давай! Ты где вообще тусил вчера?..

А Никита спокойно шлёпнул каждому по ладони и вдруг сказал:

– Не, я вот с Оськой сяду.

Так у меня появился друг.

И я неожиданно оказался с ним везде-везде, и со всеми тоже – мы на гастроях много тусовались. И я с удивлением обнаружил, что мне с людьми хорошо. А я всегда думал, что мне, кроме книжек, никто не нужен.

И плевать было даже на новую куртку, которую мне прожгли сигаретой. Но мама потом плакала. Говорила, что я весь пропах дымом. Что вот, дедушка дымил как паровоз и умер молодым. И не верила мне, что я не курил (хотя это правда).

...А вот Никите сразу поверила. Я, честно говоря, был уверен: наша дружба – на три дня. Только на эту поездку. Потому что так не бывает: что уж такого во мне интересного, чтобы Никита Кукушкин со мной дружил? Ему вон всех всегда мало. А я... Что уж во мне такого особенного, чтобы ему не надоест? Приедем домой – и привет.

После гастрелей я заболел, конечно. Сразу же. Я вообще очень легко болеваю, даже с удовольствием. Лежал себе и

читал с планшета всё подряд.

А вечером в дверь раздался звонок. И я услышал неожиданное:

– А Оська дома?..

Никто раньше так не спрашивал. Я вообще-то далеко живу от школы, семь остановок на троллейбусе.

А Никита приехал.

– Адрес? У Погореловой спросил, конечно! Ты же сказал – вы соседи. – И он поставил в угол свои ролики.

А потом пошёл на кухню очаровывать мою маму.

И мама очаровалась.

– Надо же, Оська. Вот не думала, что ты можешь подружиться с таким интересным мальчиком.

Не думала она. Думала, конечно, что её сын – так, аппарат для поглощения борща.

* * *

А потом мы с Никитой придумали группу. Когда он узнал, что у меня гитара есть и что я немного играю.

– О, камрад!!! Забацаем что-нибудь, а, Оська? Перевернём умы. Зажжём с тобой! Чего ты – давай!

И мы дали. Я за неделю научился довольно неплохо на гитаре этой. А Никита, оказалось, играет на клавишах очень прилично. Он раздобыл где-то синтезатор – даром отдали какие-то друзья отца. Жуткий зверь, а не синтезатор. У этого

престарелого мастодонта не работало несколько клавиш, но Никита как-то обходился без них. И музыку к нашим песням писал он. Надо же, оказалось, к моим стихам можно музыку. Из них можно – песни. И ещё оказалось, что от музыки, Никитиной музыки, они стали не хуже. Даже, может, и лучше.

Мама, конечно, немного переживала, что я забросил виолончель. Но Никита заверил её, что игра на гитаре «очень развивает гармоническое мышление».

К тому же в одной песне мы вставили виолончель. То есть я там бросаю свою гитару и устраиваю такой виолончельный запил... Самому нравится. Я такого на виолончели никогда не играл и не слышал ни у кого. А Никита там только подыгрывает мне тихонько на тарелочке. Пока на синтезаторной, а потом будет на настоящей. Здорово так – моя виолончель и его тарелочка. Это моя любимая песня, про Лётчика Экзюпери. Я долго боялся эти стихи Никите показывать, думал, он смеяться будет. Ну и вообще, не хотелось, чтобы он его трогал, Лётчика моего, музыку там сочинял... Казалось, испортит. А Никита прямо им заболел. И потом примчался ко мне – и, не снимая куртки, сразу за клавиши. И показал. И оказалось – вообще!.. Сумасшедше здорово. Не думал, что из моих стихов можно такое сделать, настоящее. Да и соло виолончельное там отличное получилось. В общем, Никита считал, что Лётчик Экзюпери – это самая наша хитовая песня. Бомба, говорил.

А потом произошла и вовсе невозможная вещь.

Я вышел за хлебом, а когда вернулся, услышал на кухне Никитин голос. Мама всё восхищалась, что он, ударник, так здорово на синтезаторе играет. А он ей говорит:

– Да что вы, в самом деле. Ваш Оська в сто раз талантливее меня. Что там я – просто знаю несколько аккордов. И перебираю их. За полгода можно выучиться. А вот Оська... Вы хоть стихи его видели? Да вы что! Такие стихи – вообще!!!

И тут он увидел меня. Мои раскрытые от ужаса глаза. И он улыбнулся широко и сказал:

– Ой, камрад... Похоже, я тебя заложил... Извини.

Знаете, что в этом невозможного?.. Что я на него не обиделся. Вообще. Не могу на него обижаться. То есть... То есть я тогда думал, что не могу.

* * *

Есть у нас такой человек – Гиреев. Человек этот... В общем, если честно – я бы хотел, чтобы его вовсе не было. Вообще не было – таких, как он. Особенно когда я увидел, как он Мансура ткнул головой о батарею. «Не стой здесь, ты...» – сказал ему Гиреев. И добавил такое слово, которое я не хочу повторять. В общем, смысл этого слова – что Мансур нерусский. Поэтому нечего ему здесь стоять, где Гирееву пройти надо.

У меня прямо всё внутри опустилось. Холодно стало мне внутри. Потому что человек – вот нормальный человек, я же

нормальный! – должен был... Должен был что-то сделать. Не знаю что. А я в этот момент очень некстати вспомнил, что я, в общем, тоже не вполне русский. И что Гиреев меня выше на голову и толще раза в полтора. И что мне... И что мне руки надо беречь. И на всякий случай – голову ещё.

Поэтому я подождал, пока Гиреев уйдёт, а потом подошёл к Мансуру. Он сидел у батареи и трогал лоб.

– Больно?

– Отстань, – сказал Мансур.

И я отстал. Но теперь каждый раз, когда я видел Мансура, что-то внутри у меня ухало вниз.

А когда я видел Гиреева... Короче, я предпочитал его не видеть.

Но он сам меня нашёл. Я, в общем, тоже был виноват – на-рвался. Просто в тот день никто не сделал английский, кроме меня. Тема была сложная. А я не знал, что она сложная. У меня мама английский в институте преподаёт.

В общем, Гиреев молча забрал мою тетрадь и пошёл что-то оттуда перерисовывать. Я немного посмотрел на крошечную ручку в его огромном кулаке и отполз тихонько в сторону буфета.

А потом вернулся и увидел Никиту. Он стоял ко мне спиной, а вокруг него, конечно, толпился народ. И к нему подошёл Гиреев. А я стоял за таким выступом, вроде колонны, и Гиреев меня не увидел.

Он просто подошёл к Никите и ткнул в него моей тетрад-

кой.

– На, – сказал он. – Жиду своему отдай.

И Никита... И Никита кивнул. Просто кивнул, и всё.

У меня подогнулись колени. И кончился воздух. И я... пошёл тихонько. Тихонько-тихонько. И дошёл так до самого дома. Семь остановок, безо всякого троллейбуса. Вошёл. Лёг на диван. И перестал думать. Мысли кончились.

А потом в дверь позвонили. И я не открыл. И позвонили снова. И я опять не открыл.

Никита зашёл ещё раз, ближе к вечеру. Мама уже вернулась с работы, и он говорил с ней.

– Что случилось? – спросил он.

Я спрятался на балконе.

– Я не знаю, – растерянно ответила мама и взяла у него мою сумку. – Вышел, наверное, куда-то... Только что здесь был...

Я не ходил в школу три дня. А потом пошёл.

– Оськ... Ты что? – спросил меня там Никита.

Я не ответил. И получил своё «Присутствует на уроке чисто биологически».

Он, конечно, не видел, что я слышал. Но что... Что он – вот так... Ему это – нормально?! Что – «жид»? Да? И... он хотя бы должен был сказать мне. Что у него теперь при виде меня что-то там ухает. Вниз.

И я не понимаю: ведь он не боится Гиреева! Тогда, с Манс-

уром... Я рассказал ему. И Никита тихо подошёл к этому недоумку и сказал ему несколько слов. Очень тихо. И Мансура больше никто не трогал.

А меня?! А я?!

Я подумал, что мне нужно как-то пережить всего один год. Потом, за девятый, сдам экстерном. Всё равно – хоть на тройки. И пойду в музучилище. Там будут новые люди. Таких, как Гиреев, там точно не будет, в музыкальном таких не может быть.

И дружить я там ни с кем не буду. Хватит. Надружился.

Хотя Никита, конечно, ещё зайдёт. Синтезатор-то у меня. А его надо отдавать. Жаль, что не вышло у нас группы. Вот этого по-настоящему жаль.

* * *

У меня всё крутилась в голове наша песня одна, смешная, про людоеда, который терзался выбором – съесть принцессу или нет. И одному скучно, и кушать хочется. Съел, конечно. Голод не тётка. И не дядька.

Слопал, значит, их высочество

И рычит от одиночества-а-а...

Здорово это Никита пел, смешно. В этом месте он должен был бросать свой синтезатор и бежать к барабанам. А пока

мы дома репетировали, он взял у мамы разные кастрюльки и лупил по доньшкам ладонями, негромко, но так здорово, ух!

Рычит, значит, от одиночества. На самом деле всё это ерунда. По-настоящему мне только Лётчика жалко. Лётчика моего Экзюпери. Что его не будет, никогда. Песни этой. И соло моего виолончельного тоже не будет.

*Просто окно открой
И смотри, смотри —
Видишь, машет тебе рукой
Лётчик Экзюпери,
С неба – машет тебе рукой...
Ты ведь тоже,
тоже видишь его?..*

Не может Никита это петь. Не видит он моего Лётчика. Если он вот так просто может кивнуть Гирееву и всё. Если ему это нормально, что меня – таким словом. Ну и пусть, и пусть.

Черт с ней, с дружбой этой. Жил как-то раньше и теперь проживу. А вот Лётчика жаль, что не будет.

* * *

...И в этот раз дверь открыла мама. И я услышал неприличное:

– А Иосиф? Дома?

Иосиф. Как странно. Я подписывал этим именем свои тетради, слышал его от взрослых. А сейчас кажется – услышал первый раз.

– Проходи, Никита, – сказала мама, – тапочки надевай, холодно у нас!

– Спасибо, – отозвался он, – я в школе уже поел...

– Никита, – засмеялась мама, – вытащи наконец свои наушники! Никого не слышишь...

И я понял. Вдруг. Сел на пол и чуть не заплакал, как маленький. Всё-таки какой он псих, вечно в своих наушниках. Не слышал он гиреевских слов, просто не слышал. А я устроил трагедию, как дурак.

* * *

– Знаешь, Оська, мне всегда казалось – такое дурацкое имя у меня. У всех – нормальные, а у меня – на «а» кончается почему-то. И не сократить никак. Какое-то рабоче-крестьянское. А вот у тебя!!! Сумасшедшее прямо имя. Иосиф. Библейское. Прямо – чувствуешь связь времён. И-о-сиф. С ума сойти...

Ой, то не вечер

Всё-таки до чего у него лицо противное, так бы и двинул в нос. И лоб чистый, не то что у меня. И высокий он, самый длинный в классе. И со своей гитарой ещё. Вот почему меня не отдали на гитару? Почему пианино это дурацкое? Что вот мне с него? Хотя Кирилл и не ходит ни в какую музыкалку, говорит – сам научился. Представляю, как это он сам, три аккорда выучил и бацает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.